

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-156-164
УДК 336.64(045)
JEL H2, H3

Политика налогового стимулирования территорий с особым экономическим статусом Дальнего Востока и Арктики: развитие территорий или ускорение пространственной поляризации?

О.А. Синенко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли налоговых инструментов развития территорий с особым экономическим статусом (ТОЭС) Дальнего Востока и Арктики. **Цель** работы — критический анализ итогов функционирования ТОЭС на Дальнем Востоке, оценка системных рисков перехода к единому преференциальному режиму и обоснование подхода к налоговому стимулированию, ориентированного на развитие макрорегиона с учетом его институциональной, демографической и экологической специфики. Установлено, что инициатива введения единого преференциального режима на территории Дальнего Востока и Арктики, несмотря на внешнюю привлекательность унификации, несет в себе системные риски: нивелирование различий в стартовых условиях, обострение межрегиональной конкуренции. Представлен сравнительный анализ двух стратегий: «широких льгот для всех» и «точечных льгот» («концентрированных стимулов»). С помощью верифицированной гибридной модели в среде имитационного моделирования AnyLogic 7.0 были проведены два вычислительных эксперимента, сравнивающих эффективность различных стратегий налогового стимулирования на горизонте до 2050 г. В **результате** исследования установлено, что в условиях негативной демографической динамики и специфики институциональной среды точечные стимулы, предусматривающие предоставление налогового вычета в размере 50% от суммы инвестиций резидентам ТОЭС при условии участия в программах ГЧП и выполнения целевых показателей, демонстрируют большую результативность. Сделан **вывод** о необходимости отказа от универсального применения налоговых инструментов в пользу контекстуально-зависимого проектирования, увязывающего предоставление льгот не только с объемом инвестиций, но и ключевыми показателями социально-экономического развития территории. **Ключевые слова:** налоговое стимулирование; Дальний Восток; Арктика; территории с особым экономическим статусом; имитационное моделирование; налоговые расходы; единый преференциальный режим; ТОЭС

Для цитирования: Синенко О.А. Политика налогового стимулирования территорий с особым экономическим статусом Дальнего Востока и Арктики: развитие территорий или ускорение пространственной поляризации? *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):156-164. DOI: 10.26794/1999-849X 2026–19–4-156-164

ORIGINAL PAPER

Tax Incentive Policy for Territories with Special Economic Status in the Far East and the Arctic: Territorial Growth or Spatial Polarization?

O.A. Sinenko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The study's **relevance** stems from it examines how tax mechanisms should be re-evaluated to support the growth of territories with special economic status (TSES) in the Far East and Arctic. This paper **aims** to thoroughly investigate the TSES system's outcomes in the Far East. It will also evaluate the inherent risks involved in adopting a single preferential system and propose a strategy for tax incentives tailored to the macro-region's growth, considering its unique institutional, demographic, and environmental factors. The author pointed out that unifying the preferential

regime in the Far East and Arctic, while seemingly attractive, poses systemic risks such as equalizing initial conditions and increasing competition between regions. The research presented a comparative analysis of two strategies: “broad benefits for all” and “targeted benefits” (concentrated incentives). The research performed two computational experiments using a verified hybrid model in AnyLogic 7.0 simulation environment, comparing the effectiveness of various tax incentive strategies through 2050. Considering negative demographic trends and the current institutional landscape, the study’s **results** determined that specific incentives, like a 50% tax deduction on investment for TSES residents in public-private partnership programs who achieve set goals, are more successful. Instead of a one-size-fits-all approach to tax instruments, the study’s **conclusion** favored a context-specific design, connecting incentive provision to investment volume and vital regional socioeconomic development indicators.

Keywords: tax incentives; Far East; Arctic; territories with special economic status; simulation modeling; tax expenditures; single preferential regime; TSES

For citation: Sinenko O.A. Tax incentive policy for territories with special economic status in the Far East and the Arctic: Territorial growth or spatial polarization? *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):156-164. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-156-164

ВВЕДЕНИЕ

Современная парадигма регионального развития РФ характеризуется активным использованием института территорий с особым экономическим статусом (далее — ТОЭС) в качестве драйвера ускоренного социально-экономического роста. Наибольшая концентрация таких зон наблюдается в Дальневосточном федеральном округе (далее — ДФО) и Арктической зоне, где с 2015 года созданы и функционируют территории опережающего развития (далее — ТОР), Свободный порт Владивосток (далее — СПВ), специальные административные районы (далее — САР) на о. Русский, Особая экономическая зона в Магаданской области и преференциальный режим на Курильских островах (далее — КОРФ), Международные территории опережающего развития (далее — МТОР). Логика создания данных территорий предполагала, что беспрецедентный пакет налоговых льгот и административных преференций станет катализатором притока инвестиций, модернизации экономики и, как следствие, улучшения качества жизни населения. Тем не менее спустя десятилетие с момента начала функционирования данных механизмов регулирования, в научном дискурсе и аналитических материалах накапливаются факты, указывающие на несоответствие достигнутых результатов первоначально заявленным целям. Рост количества резидентов и задекларированных инвестиций зачастую не конвертируется в сопоставимый прирост рабочих мест, налоговых доходов бюджетной системы и мультипликативных эффектов в смежных отраслях. Более того, предлагаемая институциональная эволюция — от создания разрозненных режимов к проекту единого преференциального режима (далее — ЕПР) с 2027 г. — вызывает вопросы о глубине проработки последствий такой

унификации для макрорегиона, занимающего более 65% площади страны.

Данное исследование нацелено на комплексную оценку результатов функционирования ТОЭС на Дальнем Востоке, идентификацию системных угроз при внедрении унифицированного преференциального режима и обоснование альтернативного подхода к налоговому стимулированию, ориентированного на развитие макрорегиона с учетом его институциональной, демографической и экологической специфики. Гипотеза исследования заключается в том, что переход на траекторию устойчивого развития требует не масштабирования унифицированных льгот, а применения концентрированных налоговых стимулов, способных генерировать инновационную среду и преодолевать негативные макроэкономические тренды.

ТЕРРИТОРИИ С ОСОБЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ДЕКЛАРАЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

ДФО выступает абсолютным лидером в России по числу и разнообразию преференциальных режимов. По состоянию на начало 2025 г. здесь функционируют 18 территорий опережающего развития (включая две в Арктической зоне РФ), режим СПВ распространяется на 22 муниципальных образования, действуют САР, ОЭЗ «Магадан» и особый режим на Курильских островах, которые предоставляют инвесторам значительные налоговые преференции: пониженные тарифы страховых взносов (7,6%), нулевые ставки по налогу на прибыль (на первые 5 лет) и налогу на имущество организаций, льготы по земельному налогу и понижающие коэффициенты по НДС [1]. Однако, как показывают результаты анализа, данный

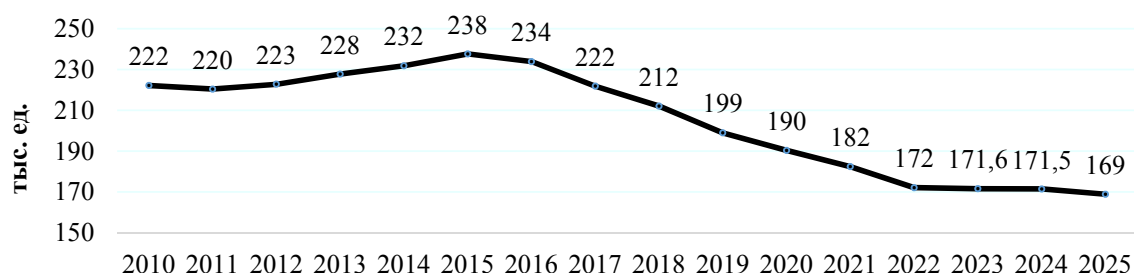

Рис. 1 / Fig. 1. Количество организаций, зарегистрированных в субъектах ДФО за период 2010–2025 гг. / Number of organizations registered in the Far Eastern Federal District (FEFD) for the period 2010–2025

Источник / Source: составлено автором по данным ФНС РФ / compiled by the author based on data from the Federal Tax Service of the Russian Federation.

набор инструментов во многом явился «импортом» институциональных форм (СПВ, ОЭЗ, САР) без должной адаптации к уникальным условиям территории. Формальное копирование успешных мировых практик без учета низкой плотности населения, суровых климатических условий, неразвитости инфраструктуры и специфики расселения привело к слабой результативности.

Анализ динамики количества зарегистрированных организаций в субъектах ДФО за 2010–2025 гг. демонстрирует тревожную тенденцию. Если в 2015 г., на старте активной фазы создания ТОЭС, в округе насчитывалось около 415 тыс. организаций, то к началу 2025 г. их число сократилось до 409 тыс., достигнув минимума в 2023 г. (404,5 тыс.). При этом количество резидентов ТОЭС составило всего 2986 ед., или менее 1,7% от общего числа организаций ДФО (рис. 1). Из них 1986 приходятся на СПВ, 829 — на ТОР и лишь 30 — на Курилы, что ставит под сомнение тезис о массовом характере применения преференциальных режимов и их доступности для малого и среднего предпринимательства.

Дополнительную доказательную базу формирует статистика осуществления проектов. В пределах территорий опережающего развития отмечается неблагоприятная динамика: разрыв между количеством подписанных инвестиционных договоров и числом проектов, доведенных до стадии промышленной эксплуатации, демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. На 1 января 2025 г. количество резидентов ТОР ДФО достигло 829, при этом число проектов, выведенных на стадию практической реализации, составило на 1 января 2024 г. 240 единиц. По Свободному порту Владивосток введено в действие лишь около 18% проектов от числа заключенных соглашений. При этом с 2024 г. институты развития перешли на отчетность по задеклариро-

ванным целям (заключенным соглашениям), а не по фактическому исполнению, что дополнительно маскирует реальную ситуацию¹.

Ключевыми индикаторами, по которым принято оценивать эффективность функционирования ТОЭС, являются создание рабочих мест и привлечение инвестиций. Анализ данных за 2015–2024 гг. позволяет сделать вывод о системных дисбалансах в достижении этих показателей. Согласно данным Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики (далее — КРДВ), по состоянию на начало 2025 г. в соглашениях с резидентами ТОЭС запланировано создание 294,4 тыс. рабочих мест по ДФО (115 042 — СПВ, 178 077 — ТОР, 486 — КОФ, 805 — САР) и 28,75 тыс. рабочих мест в Арктической зоне РФ (далее — АЗРФ). Однако фактически создано менее 2% мест от общей численности занятых в экономике ДФО.

Более того, по данным Счетной Палаты РФ, выявлена высокая степень концентрации: 89% всех фактически созданных рабочих мест приходится на 50 крупнейших резидентов (5% от их общего числа), причем значительная часть из них (более 20%) функционирует вахтовым методом, что не способствует закреплению населения на территории и формированию устойчивых локальных сообществ и противоречит стратегической цели освоения Дальнего Востока². Выявленная диффе-

¹ Отчёты о деятельности АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики», 2026. URL: <https://erdc.ru/about/reports/> (дата обращения: 01.02.2026).

² Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка результативности деятельности акционерного общества «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики», результатов реализации федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016–2025 годы» и применения преференциального режима на Куриль-

ренциация в количестве созданных рабочих мест одним резидентом по СПВ: в Камчатском крае — 10, Приморском крае — 22, Сахалинской области — 50 свидетельствует об отсутствии единообразной модели создания рабочих мест в рамках преференциальных режимов и указывает на необходимость учета региональной специфики и отраслевой структуры реализуемых проектов при формировании подходов к налоговому стимулированию.

Общий объем запланированных инвестиций в ТОЭС ДФО и АЗРФ оценивается в 10 108,2 млрд руб. (на 01.01.2025), в том числе 9105,2 млрд руб. — ДФО (из них 7 228 млрд руб. приходится на СПВ, 1 866 млрд руб. — на ТОР, 5,5 млрд руб. — КОРФ, 5,7 млрд руб. — САР), 1003 млрд руб. — АЗРФ. Однако анализ выполнения инвестиционных планов резидентами выявляет критическое отставание. По Свободному порту Владивосток накопленный объем инвестиций за 2015–2023 гг. составил лишь 333 млрд руб. против 2134 млрд руб. заявленных (менее 16%). Анализ функционирования территорий опережающего развития (ТОР) в ДФО демонстрирует относительно более благоприятную динамику по сравнению с общими показателями, однако фактические результаты также обнаруживают расхождение с плановыми параметрами. Степень выполнения программных индикаторов варьируется в диапазоне 30–40% в зависимости от конкретного субъекта РФ. Существенной особенностью является крайне высокая межрегиональная дифференциация: средний объем фактических инвестиций в расчете на одного резидента колеблется от 0,23 млрд руб. в Республике Бурятия до 29,25 млрд руб. в Амурской области, что объясняется реализацией на территории последней крупномасштабных инфраструктурных проектов. В целом, по данным Счетной Палаты РФ, около 80% всех инвестиций в ТОР приходится на единичные мегапроекты стоимостью более 100 млрд руб., что не создает диверсифицированной инвестиционной среды.

Налоговые льготы и преференции, будучи инструментом стимулирования экономической активности, по своей экономической природе представляют собой так называемые «налоговые

расходы» бюджетной системы, имманентным требованием к их применению выступает последующая окупаемость за счет прироста бюджетных доходов. По результатам проведенного анализа за 2015–2025 гг. сумма налоговых расходов в ТОЭС ДФО и Арктики превысила 500 млрд руб. Структура выпадающих доходов включает более 140 млрд руб. по страховым взносам, 212 млрд руб., образовавшихся вследствие освобождения от уплаты таможенных пошлин, и 85 млрд руб., недополученных в части налога на прибыль организаций.

Главный дисбаланс заключается во временном лаге: эффект «налоговых каникул» для резидентов не компенсируется адекватным приростом доходов от вторичных мультипликативных эффектов. Более того, преференции провоцируют налоговую миграцию и дробление бизнеса [2] для входа в льготный режим, что искажает конкурентную среду и не создает добавленной стоимости. Таким образом, фискальная эффективность преференциальных режимов остается отложенной и носит гипотетический характер [3].

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ «ЕДИНОГО ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО РЕЖИМА»: АРХИТЕКТУРА И СИСТЕМНЫЕ РИСКИ

В целях институциональной унификации преференциальных механизмов Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики инициирует введение с января 2027 г. единого преференциального режима (ЕПР), объединяющего территории опережающего развития, Свободный порт Владивосток и Курильские острова³. Предполагается, что поддержка будет адресована новым инвестиционным проектам с минимальным порогом капиталовложений 10 млн руб. Льготный период установлен в 10 лет. Ключевые новации — экстерриториальность (привязка преференций к проекту, а не участку) и ускоренная амортизация для проектов технологического суверенитета.

На первый взгляд, внедрение единого преференциального режима представляется оптимальным институциональным решением, так как направлено на унификацию регуляторной среды и снижение административного бремени. Однако системные риски способны нивелировать ожидаемый эффект.

ских островах в 2021–2023 годах (с учетом информации Контрольно-счетной палаты Сахалинской области)». Утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 26 декабря 2024 года. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/be0/jo81wakez5n90hsir0wrobq7tftp0umu.pdf> (дата обращения: 08.02.2026).

³ Чекунков: единый префрежим на Дальнем Востоке будет действовать до 2100 года. Министр РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики Алексей Чекунков. ТАСС. Экономика и бизнес. 05.03.2026. URL: <https://tass.ru/ekonomika/26657053> (дата обращения: 15.03.2026).

Во-первых, объединение территорий с полярно различающимися природно-климатическими и инфраструктурными условиями (от экстремальной Чукотки до Владивостока) создает «иллюзию равенства»: стандартный набор льгот при асимметрии стартовых потенциалов приведет к концентрации инвестиций в сложившихся центрах, усугубляя периферийность депрессивных регионов. Во-вторых, распространение ЕПР на почти 70% площади страны повышает бюджетную нагрузку и провоцирует «гонку уступок» между субъектами за инвесторов — через субсидии, инфраструктурное обеспечение и административный ресурс снижая совокупную общественную эффективность распределения капитала.

Аналогичный механизм межтерриториальной конкуренции наблюдался в КНР более 25 лет назад. В ответ на переориентацию инвестиционных потоков в пользу Шанхая группа прилегающих городов в 2000 г. реализовала стратегию «X+1», предусматривавшую предоставление дополнительной преференции сверх базового пакета Шанхая (X). Шанхай, в свою очередь, расширил периметр зон экономического и технологического развития (ETDZ) с 67 до 173 км², что иллюстрирует раскручивание «спирали уступок» в условиях горизонтальной конкуренции юрисдикций⁴.

В работе О. Parcerо обосновывается, что межрегиональная конкуренция за ТНК создает дисбаланс, смещая выгоды в пользу инвестора в ущерб национальным интересам. Стремясь минимизировать данные потери, правительство вынуждено прибегать к инструментам, создающим асимметрию условий даже в однородной среде [4]. Согласно выводам М. Троянской, доминирующей стратегией налоговой конкуренции российских регионов выступает повышение инвестиционной привлекательности. Наиболее востребованными инструментами при этом служат дополнительные льготы по региональным налогам и дифференциация ставок НДФЛ [5].

Кроме того, ряд учёных подтверждает высокую эффективность специализации в рамках территорий с особым экономическим статусом. Например, Chen и другие исследователи установили прямую

зависимость между созданием специализированных промышленных зон и ростом национальной добавленной стоимости. Агломерация производств стимулирует импортозамещение, усиливая связанность региональных производственных циклов и повышая устойчивость цепочек поставок [6]. Hsu и его коллеги эмпирически доказали, что кластеризация производств в особых экономических зонах Тайваня выступает критическим фактором привлечения квалифицированных кадров, служит драйвером повышения общей конкурентоспособности [7].

Таким образом, в отличие от многоотраслевых особых экономических зон, территории, ориентированные на развитие конкретных промышленных кластеров или высокотехнологичных секторов, в полной мере реализуют потенциал агломерационных эффектов. Подобная отраслевая концентрация способствует трансферу знаний и привлечению профильных высококвалифицированных кадров, а также укрепляет локальные производственно-сбытовые цепочки, что в совокупности обеспечивает ускорение темпов внутреннего экономического роста [8; 9].

МЕТОДОЛОГИЯ ОБОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ НАЛОГОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ: ГИБРИДНЫЙ ПОДХОД

Осознание ограниченности существующих подходов и рисков унификации потребовало разработки принципиально иной методологической базы для обоснования политики налогового стимулирования. Предлагаемый автором методический подход базируется на синтезе двух ключевых методов: агент-ориентированного моделирования (AB) и системной динамики (SD) [10].

Необходимость применения гибридного подхода продиктована природой исследуемого объекта: решения экономических агентов на микроуровне (резидентов ТОЭС) под влиянием налоговых стимулов формируют макроэкономические, демографические и экологические тренды, которые, в свою очередь, через обратные связи влияют на поведение агентов.

Предложенная макрорегиональная модель включает две подсистемы: агент-ориентированную (экономика и технологии) и системно-динамическую (социо-эколого-демографические процессы). Типология агентов (инноваторы/имитаторы в ТОЭС и вне их) обеспечивает тонкую настройку поведенческих реакций на налоговое стимулиро-

⁴ Asian Development Bank. Asian economic integration report 2015: How can special economic zones catalyze economic development? Manila: Asian Development Bank; 2015. Available from: URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/177205/asian-economic-integration-report-2015.pdf> (дата обращения: 05.02.2026).

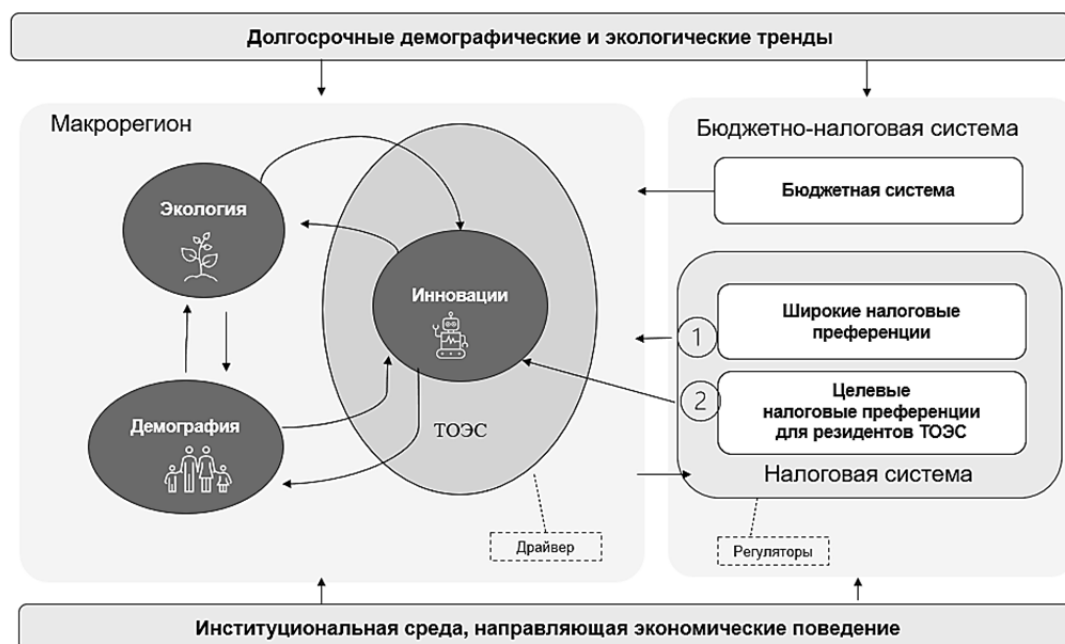

Рис. 2 / Fig. 2. Схема методического подхода налогового стимулирования устойчивого развития макрорегиона, включающего территории с особым экономическим статусом / Scheme of a methodological approach to tax incentives for a macroregion's sustainable development, including territories with special economic status

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

вание. Ключевая особенность — учет демографической динамики и экологического состояния, определяющих рынок труда и устойчивость развития ДФО через механизмы рождаемости, смертности, миграции и загрязнения среды (рис. 2).

Параметризация модели осуществлена на основе обширного массива статистических данных Росстата и ФНС по ДФО за 2010–2021 гг. (в сопоставимых ценах), включая демографические показатели, характеристики предприятий, инвестиции, бюджетные доходы и экологические параметры. Модель реализована в среде имитационного моделирования AnyLogic 7.0 [11]. С помощью верифицированной гибридной модели были проведены два вычислительных эксперимента, сравнивающих эффективность различных стратегий налогового стимулирования на горизонте до 2050 г.

Сценарий А: «Широкие стимулы» (далее — ШНС). Предусматривает равномерное снижение эффективных ставок основных налогов (налог на прибыль организаций, налог на имущество, страховые взносы) на 25% для всех экономических агентов ДФО вне зависимости от их статуса и отраслевой принадлежности.

Сценарий Б: «Точечные стимулы» (далее — ТНС). Предусматривает предоставление концентриро-

ванного налогового вычета в размере 50% от суммы инвестиций исключительно резидентам ТОЭС при условии участия в программах государственно-частного партнерства и выполнения целевых показателей.

Результаты моделирования (см. таблицу) демонстрируют принципиальные различия результатов применения стратегий налогового стимулирования.

Стратегия широких стимулов демонстрирует крайне слабое и неустойчивое положительное влияние на экономику в среднесрочном периоде (2031–2040 гг.), сменяющееся отрицательной динамикой в долгосрочном. При этом она не оказывает практически никакого влияния на численность населения, но существенно ухудшает бюджетный баланс, увеличивая дефицит. Напротив, точечные стимулы обеспечивают более стабильный, хотя и умеренный, прирост выпуска продукции и заработной платы. Однако и данная стратегия не способна переломить негативные демографические тренды. К 2050 г. прирост выпуска в сценарии точечных стимулов нивелируется практически до нуля на фоне продолжающегося сокращения и старения населения.

Проведенное моделирование позволяет сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых,

Сравнительная эффективность стратегий налогового стимулирования (прирост к базовому сценарию, процентных пунктов) / Comparative effectiveness of tax incentive strategies (increase to the baseline scenario, percentage points)

Прирост по сравнению с базовым сценарием, п.п. / Increase compared to the baseline scenario, percentage points	В среднем / In average					
	2021–2030		2031–2040		2041–2050	
	ТНС / Point stimuli	ШНС / Broad incentives	ТНС / Point stimuli	ШНС / Broad incentives	ТНС / Point stimuli	ШНС / Broad incentives
численности населения	0,00	0,00	–0,01	0,00	–0,04	0,00
объёмов выпуска продукции	+0,21	–0,15	+0,33	+0,25	+0,02	–0,11
средней заработной платы	+0,19	–0,07	+0,20	+0,05	+0,06	0,00
выбросов в атмосферу	+0,05	+0,01	+0,13	0,00	+0,11	–0,01
бюджетного дефицита*	+0,60	+0,39	+0,75	+1,05	+0,62	+1,18

Источник / Source: Составлено автором по результатам расчетов в среде имитационного моделирования AnyLogic 7.0 / compiled by the author based on the results of calculations in the AnyLogic 7.0 simulation environment.

Примечание / Note: * по отношению к выпуску / * to the release.

универсальные («широкие») налоговые преференции не являются эффективным инструментом в условиях российского Дальнего Востока, так как не создают устойчивых стимулов для инноваций, не решают проблему занятости и лишь увеличивают нагрузку на бюджетную систему.

Во-вторых, точечные, концентрированные стимулы, увязанные с конкретными проектами и целевыми показателями, демонстрируют большую результативность и способны инициировать инновационную активность, а также поддерживать экономический рост в среднесрочной перспективе [12].

В-третьих, налоговых стимулов — даже самых точных и выверенных — может оказаться недостаточно для кардинального изменения траектории развития макрорегиона. Исследование наглядно показало, что первоначальный импульс от налоговых льгот со временем затухает под влиянием экзогенного фактора — неблагоприятной демографической динамики. Сокращение численности населения трудоспособного возраста, его старение и отток наиболее активной части неизбежно ограничивают потенциал экономического роста, какие бы условия не обеспечивала налоговая политика. Таким образом, политика налогового стимулирования должна быть интегрирована в более широкую стратегию пространственного развития.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования позволяют утверждать, что институт территорий с особым экономическим статусом в России исчерпал потенциал экстенсивного развития, основанного на простом предоставлении налоговых льгот. Эмпирические данные по Дальнему Востоку фиксируют разрыв между целевыми установками и результатами функционирования преференциальных режимов. Проект перехода к единому преференциальному режиму, при всей его направленности на упрощение правил, несет в себе значительные риски усугубления существующих дисбалансов. Переход к новой парадигме требует отказа от универсального применения инструментов налогового стимулирования в пользу контекстуально-зависимого проектирования. Налоговые преференции должны быть не просто территориально привязаны, а жестко увязаны с ключевыми показателями социально-экономического развития территории: созданием качественных рабочих мест, развитием смежных производств, решением инфраструктурных проблем, внедрением природосберегающих технологий и др. Представленный подход позволяет оценивать долгосрочные социально-экономические и экологические последствия,

учитывая сложные обратные связи в системе «население — экономика — окружающая среда». Таким образом, ключевым условием повышения результативности функционирования ТОЭС выступает глубокая индивидуализация инструментов поддержки, адаптированных под специфические характеристики дальневосточных и арктических территорий.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киреева Е.Ф., Бычков А.А., Гончаренко М.А и др. Фискальная эффективность использования преференциальных режимов, действующих на территории Российской Федерации. Москва: Русайнс; 2025. 272 с.
2. Синенко О.А. Выявление признаков «дробления бизнеса» на территориях с особым экономическим статусом Дальнего Востока. *Финансовый журнал*. 2021;13(3):88-103. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-3-88-103
3. Гончаренко Л.И. Конструктив преференциальных налоговых режимов как детерминанта привлечения инвестиций в инновационное развитие России. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):156-166. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-156-166
4. Parcerio O. Inter-jurisdiction subsidy competition for a new production plant: What is the central government optimal policy? *Reg Sci Urban Econ*. 2007;37(6):688-702. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2007.08.002
5. Troyanskaya M.A. Competition in taxation and the forms of its implementation among the subjects of the Russian Federation. *Journal Tax Reform*. 2017;3(3):182-198. DOI: 10.15826/jtr.2017.3.3.039
6. Chen Y., He C., Liang Z., Xu Y. Capturing value at home? Special economic zones and domestic value added. *World Econ*. 2026. DOI:10.1111/twec.70075
7. Hsu M., Lai Y., Lin F. The impact of industrial clusters on human resource and firms performance. *Journal Model Manag*. 2014;9(2):141-159. DOI: 10.1108/JM2-11-2012-0038
8. Понкратов В.В., Кузнецов Н.В. Налоговое стимулирование инвестиционной активности в России. *Вестник университета*. 2017;(11):134-140. DOI: 10.26425/1816-4277-2017-11-134-140
9. Киреева Е.Ф., Понкратов В.В. Налоговые льготы в стимулировании инноваций: мировой опыт и актуальные тренды. *Финансы*. 2025;(5):22-29.
10. Синенко О.А. Моделирование налогового стимулирования устойчивого развития территорий. *Известия Байкальского государственного университета*. 2023;33(3):466-474. DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(3).466-474
11. Sinenko O.A. Modeling the policy of tax incentives for sustainable development of the region: The case of the Far Eastern Federal District of Russia. *Journal Tax Reform*. 2024;10(2):312-333. DOI: 10.15826/jtr.2024.10.2.171
12. Засько В.Н., Грундел Л.П., Гончаренко Л.И и др. Трансформация налоговой политики в условиях технологического суверенитета промышленности. Москва: Издательско-торговая корпорация Дашков и К; 2024; 213 с.

REFERENCES

1. Kireeva E.F., Bychkov A.A., Goncharenko M.A., et al. Fiscal efficiency of using preferential regimes operating in the Russian Federation. M.: 2025. 272 p. (In Russ.).
2. Sinenko O.A., Mitrofanov T.P. Identification of signs of “business fragmentation” in Russian Far Eastern territories with special economic status. *Finansovyy zhurnal = Financial Journal*. 2021;13(3):88-103. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2021-3-88-103

3. Goncharenko L. I. The constructive nature of preferential tax regimes as a determinant of attracting investment in Russia's innovative development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(3):156-166. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-156-166
4. Parcerio O. Inter-jurisdiction subsidy competition for a new production plant: What is the central government optimal policy? *Reg Sci Urban Econ*. 2007;37(6):688-702. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2007.08.002
5. Troyanskaya M. A. Competition in taxation and the forms of its implementation among the subjects of the Russian Federation. *Journal Tax Reform*. 2017;3(3):182-198. DOI: 10.15826/jtr.2017.3.3.039
6. Chen Y., He C., Liang Z., Xu Y. Capturing value at home? Special economic zones and domestic value added. *World Econ*. 2026. DOI: 10.1111/twec.70075
7. Hsu M., Lai Y., Lin F. The impact of industrial clusters on human resource and firms performance. *Journal Model Manag*. 2014;9(2):141-159. DOI: 10.1108/JM2-11-2012-0038
8. Ponkratov V. V., Kuznetsov N. V. Tax stimulation of investment activity in Russia. *Vestnik universiteta = University Bulletin*. 2017;(11):134-140. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2017-11-134-140
9. Kireeva E. F., Ponkratov V. V. Tax incentives for innovation: Global experience and current trends. *Finansy = Finance*. 2025;(5):22-29. (In Russ.).
10. Sinenko O. A. Modeling tax incentives for sustainable development of territories. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*. 2023;33(3):466-474. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(3).466-474
11. Sinenko O. A. Modeling the policy of tax incentives for sustainable development of the region: The case of the Far Eastern Federal District of Russia. *Journal Tax Reform*. 2024;10(2):312-333. DOI: 10.15826/jtr.2024.10.2.171
12. Zasko V. N., Grundel L. P., Goncharenko L. I., et al. Transformation of tax policy in the context of technological sovereignty of industry. M.: Dashkov & Co. Publishing and Trading Corporation; 2024. 213 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ольга Андреевна Синенко — доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Olga A. Sinenko — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Chief Research Assoc., Institute for Research of Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7497-9475>

oasinenko@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.12.2025; принята к публикации 08.07.2026.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 01.12.2025; accepted for publication 08.07.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.